

Процессуальные последствия наводящих вопросов в уголовном судопроизводстве

Н. Г. Стойко¹, А. И. Баянов², А. Д. Назаров¹, А. С. Шагинян², И. Г. Смирнова³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Сибирский федеральный университет,

Российская Федерация, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

³ Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Для цитирования: Стойко, Н. Г., А. И. Баянов, А. Д. Назаров, А. С. Шагинян, И. Г. Смирнова. 2025. «Процессуальные последствия наводящих вопросов в уголовном судопроизводстве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 323–340.

<https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.203>

В статье анализируются положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие порядок постановки наводящих вопросов в процессе производства отдельных следственных и судебных действий, направленных на получение доказательств на досудебной и судебных стадиях уголовного процесса. Выделяется дифференцированный подход законодателя к определению допустимости наводящего вопроса при производстве следственных и судебных действий и к запрету на его постановку. Показана взаимосвязь отсутствия нормативно-правового определения термина «наводящий вопрос» и оценочного характера его в правоприменительной практике. Наводящий вопрос рассматривается как недопустимое средство склонения к даче ложных показаний и как допустимый инструмент перекрестного допроса потерпевшего и свидетеля в ходе судебного следствия, обеспечивающий равноправие сторон в уголовно-процессуальном доказывании. Постановка наводящего вопроса в случаях, когда это прямо запрещено законом, рассматривается авторами в качестве уголовно-процессуального правонарушения, влекущего соответствующие процессуально-правовые последствия. В статье выделяются шесть видов уголовно-процессуальных последствий при нарушении запрета на постановку наводящего вопроса, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом. Они относятся к порядку проведения следственных и судебных действий, процессуальному оформлению их хода и результатов, оценке допустимости показаний, полученных при ответе на заданные наводящие вопросы, и персональной ответственности субъектов уголовного процесса, допустивших нарушение закона. По каждому из последствий даются развернутые пояснения, направленные на уточнение и оптимизацию, в том числе на внесение в отдельные положения Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 164, 190, 258, 259, 335 и др.) таких изменений и дополнений, регламентирующих порядок постановки вопросов при производстве следственных и судебных действий, которые должны привести к уменьшению негативного воздействия наводящих вопросов (при наличии запрета на их постановку).

Ключевые слова: наводящий вопрос, отведение наводящего вопроса, допрос, показания, уголовно-процессуальное нарушение, уголовно-процессуальное доказывание, допустимость доказательств, уголовно-процессуальная ответственность, процессуальные последствия, протоколы следственных действий.

1. Введение

Правовое регулирование процесса постановки наводящих вопросов при проведении следственных и судебных действий, направленных на получение показаний, в российском уголовном судопроизводстве вызывает ряд вопросов, которые неоднократно поднимались в юридической литературе, но все еще остаются без внимания законодателя (Александров, Гришин 2006; Баянов 2021; Воскобитова и др. 2001, 255; Рубинштейн 2011, 8–12; Центров 2003; и др.).

Основная проблема заключается в том, что в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (УПК) словосочетание «наводящий вопрос» встречается, однако отсутствует его нормативно-правовое определение, не раскрываются признаки, которые давали бы правоприменителю возможность выделять наводящие вопросы из числа заданных. Положение усугубляется в тех ситуациях, когда возникает спор между участниками судопроизводства, которые при аргументации своей позиции приводят различные признаки наводящего вопроса, как правило, содержащееся в справочной, научной литературе, или делают отсылку к уже состоявшимся судебным решениям. Вместе с тем в УПК имеется запрет на наводящие вопросы при проведении допросов (ч. 2 ст. 189), не допускается их постановка в процессе предъявления для опознания (ч. 7 ст. 193 УПК), проверки показаний на месте (ч. 2 ст. 194), а также допроса подсудимого (ч. 1 ст. 275) и предъявлении для опознания в судебном заседании (ст. 289). При этом запрет декларируется в самой строгой и категоричной по содержанию форме, не допускающей отступлений или возражений. Запрещая постановку наводящих вопросов при проведении перечисленных выше следственных и судебных действий, УПК не устанавливает аналогичного запрета для очной ставки (ст. 192), судебного допроса потерпевшего (ст. 277), свидетеля (ст. 278), в том числе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля (ст. 280). В текстах упомянутых статей УПК отсутствуют положения, формулирующие запрет на постановку наводящих вопросов. Если учитывать логику построения частей, разделов, глав и статей УПК, разделяющих досудебное и судебное производство, и следовать формально-логическому толкованию текстов названных статей, то отсутствие в них подобных запретов свидетельствует о допустимости постановки наводящих вопросов при производстве отдельных следственных и судебных действий. На эту особенность в правовом регулировании наводящих вопросов в российском уголовно-процессуальном законе обращается внимание в юридической литературе (Александров, Гришин 2006, 29). Судебный допрос потерпевшего, свидетеля с применением наводящих вопросов направлен на решение ряда задач: разоблачение заведомо ложных показаний; отделение реально воспринятого от воображаемого; оказание добросовестным потерпевшим и свидетелям помощи при воспоминании забытого и т. п. В процессе решения этих задач стороны также демонстрируют суду, присяжным заседателям объективность допрашиваемого лица и «надежность» его как источника показаний. Таким образом, полный запрет (недопустимость) наводящих вопросов в досудебном производстве не исключает их постановку в судебном заседании, за исключением допроса подсудимого и процесса предъявления для опознания (ч. 1 ст. 275, ст. 289 УПК).

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 29 апреля, 2025. <https://www.consultant.ru>.

Запрет наводящих вопросов направлен на исключение негативного воздействия в форме склонения лица к ответу или к выполнению действий (предъявление для опознания, проверка показаний на месте), которые могут входить в противоречие со свободой его волеизъявления. Наличие свободы волеизъявления лица без постороннего воздействия — основное условие оценки показаний и совершенных действий для установления их достоверности (правдивости) и соответствия занимаемой позиции. Однако существующий запрет наводящих вопросов не может полностью исключить их постановку в следственной и судебной практике. Нарушение запрета следует рассматривать как уголовно-процессуальное правонарушение, которое не может оставаться без правовых последствий. Рассматривая уголовно-процессуальные последствия, возникающие при совершении правонарушений, В. П. Божьев обращал внимание на их разнообразие как по характеру, так и по тяжести (Божьев 1975, 57). Последствия могут быть связаны с результатами оценки принимаемых решений, ограничивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, влиять на оценку собранных доказательств, касаться персональных ограничений и санкций в отношении участников, допустивших уголовно-процессуальное правонарушение, и т. п. Заданный наводящий вопрос может иметь прямое или косвенное (отложенное) негативное воздействие на показания или действие лица, которому он адресован. Прямое воздействие происходит в ситуации, когда наводящий вопрос не был отклонен или отведен и лицо в своем ответе воспользовалось полученной подсказкой. Косвенное (отложенное) воздействие наводящего вопроса может проявляться при его отклонении (отведении). Лицо, которому был задан наводящий вопрос, даже при его отклонении (отведении) имеет возможность использовать подсказку для ответов на последующие вопросы, а также после окончания следственного действия при ознакомлении с его протоколом заявить ходатайство об уточнении или дополнении своих показаний с учетом полученной ранее информации, содержащейся в отклоненном наводящем вопросе. Эти замечания обязательно должны быть внесены в протокол допроса (ч. 6 ст. 190 УПК). Таким образом, отклоненный или неотклоненный наводящий вопрос может приводить к негативному воздействию на содержание полученных показаний. По этой причине законодатель должен предусмотреть такой порядок производства следственного действия, который прежде всего исключает постановку наводящих вопросов, а не только их отклонение или отведение. В ситуациях, когда постановку наводящих вопросов нельзя полностью исключить, необходимо принимать меры для того, чтобы минимизировать их негативное воздействие. Негативное воздействие наводящих вопросов наступает независимо от того, были ли они заданы умышленно для склонения лица к нужному ответу или к нужному действию, или их постановка является следствием других причин (недостаточный уровень общей филологической подготовки, отсутствие профессионального навыка и т. п.). Поэтому уголовно-процессуальные последствия должны наступать по факту постановки наводящего вопроса без учета причин, по которым они были заданы. Причина постановки наводящего вопроса может влиять только на характер и тяжесть последствий, если речь идет об ответственности субъекта за заданный наводящий вопрос. Уголовно-процессуальные последствия при постановке наводящих вопросов, как представляется, можно разделить на три вида: первый связан с процедурной регламентацией проведения следственных и судебных действий;

второй касается содержательного аспекта процесса получения показаний и совершения действий и связан с оценкой полученных доказательств на предмет их допустимости и достоверности; третий относится к мерам воздействия на участников следственных и судебных действий, нарушивших запрет на постановку наводящих вопросов. Указанные виды уголовно-процессуальных последствий будут рассмотрены ниже. Некоторые из них подробно регламентированы и должны находить отражение в протоколах следственных действий и судебного заседания. Ряд последствий не имеют однозначного характера и требуют дополнительных разъяснений в рамках существующего порядка, а для некоторых из них можно предложить дополнительную правовую регламентацию.

2. Основное исследование

2.1. Отведение (отклонение) наводящего вопроса с описанием указанного действия в протоколах следственных действий и судебном заседании

2.1.1. Отведение (отклонение) наводящего вопроса

Заданный наводящий вопрос подлежит отведению дознавателем, следователем (далее — следователем) при производстве следственных действий и отклонен председательствующим в процессе допроса подсудимого (ч. 1 ст. 275 УПК) и при предъявлении для опознания в суде (ст. 289 УПК). Использование законодателем в текстах ст. 190 и 275 УПК разных слов («отведены» и «отклоняется») не меняет содержания обозначаемых с их помощью действий, так как глаголы «отвести» и «отклонить» могут быть заменены общим глаголом «предотвратить» и рассматриваются в качестве синонимов (Евгеньева 1977, 416). Предотвращение ответа на заданный наводящий вопрос является процессуальной обязанностью следователя и председательствующего в судебном заседании. Согласно УПК, при проведении следственных действий, кроме следователя, правом задавать вопросы обладают защитник (ч. 2 ст. 53), специалист (п. 2 ч. 3 ст. 58), переводчик (п. 1 ч. 3 ст. 59), педагог (ч. 3 ст. 280, ч. 5 ст. 425), психолог (ч. 5 ст. 425), лица, между которыми проводится очная ставка (ч. 2 ст. 192). Кроме председательствующего, в судебном разбирательстве правом на постановку вопросов могут воспользоваться присяжные заседатели (п. 1 ч. 1 ст. 333), сторона защиты и обвинения (ч. 1 ст. 275, ч. 3 ст. 278), законный представитель потерпевшего и свидетеля (ч. 4 ст. 280), педагог (ч. 2 ст. 280), переводчик (п. 1 ч. 3 ст. 59), подсудимый (ч. 6 ст. 280, ч. 4 ст. 275). Все перечисленные субъекты, кроме переводчика, могут задавать вопросы с разрешения следователя и председательствующего. Исключение для переводчика связано с назначением задаваемых вопросов, которые направлены только на обеспечение точности перевода, а не на выяснение обстоятельств уголовного дела.

Установив запрет (недопустимость) на постановку наводящих вопросов, законодатель в нормах уголовно-процессуального законодательства обращает внимание только на необходимость отведения (отклонения) и не регламентирует порядок, направленный на их предупреждение. Между тем, с учетом степени негативных последствий от постановки наводящих вопросов, в том числе отведенных, их

предупреждение следует рассматривать в качестве основной процессуальной задачи, требующей законодательного разрешения. Как отмечалось выше, отведенный (отклоненный) наводящий вопрос не устраняет полностью негативное воздействие на содержание полученных показаний и имеет отложенный характер. Подсказка ответа, содержащаяся в отведенном (отклоненном) вопросе, может быть использована допрашиваемым лицом для ответа на иные вопросы, в том числе имеющие правомерный характер.

Если на постановку вопроса для участников следственных и судебных действий требуется согласие уполномоченного субъекта, то для начала ответа на поставленный вопрос такого согласия не требуется. Допрашиваемый или иное лицо, которому адресован вопрос, самостоятельно принимает решение о том, когда начать отвечать на вопрос. Между заданным вопросом и ответом возможен различный промежуток времени: ответ может последовать незамедлительно после поставленного вопроса. После произнесенного вопроса следователю, судье требуется некоторый промежуток времени, чтобы принять законное и обоснованное решение о допустимости вопроса. Если вопрос признается наводящим, то необходимо также обосновать принятое решение о его отведении, которое наряду с вопросом тоже должно быть занесено в протокол следственного действия (ч. 2 ст. 190 УПК). Для исключения ситуации, в которой ответ на поставленный вопрос будет поспешным и опережающим реакцию следователя и председательствующего, до начала вопросно-ответной части следственного и судебного действия уместно предупредить лицо, которому возможна адресация вопроса, о том, что с ответом не надо спешить, а до начала ответа необходимо получить согласие уполномоченного субъекта.

На наш взгляд, такое разъяснение может даваться в рамках выполнения требования ч. 5 ст. 164 УПК об оглашении порядка проведения следственного действия. В судебном производстве аналогичное разъяснение может быть дано в процессе оглашения порядка судебного заседания (ч. 2 ст. 243 УПК). Такие разъяснения не противоречат действующему законодательству и не ущемляют права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Они направлены на предотвращение ответов на наводящие вопросы, которые не были отведены. Кроме того, в процессе разъяснения порядка проведения следственных и судебных действий для исключения постановки наводящих вопросов и получения поспешных ответов следователь и судья могут предупредить всех участников действий не только о недопустимости постановки наводящих вопросов, но и о последствиях, которые последуют при нарушении запрета. Очень важно, чтобы такие разъяснения были совмещены с толкованием понятия «наводящий вопрос». Подробные разъяснения имеют особое значение для лиц, не обладающих специальными познаниями в области юриспруденции и тем более не имеющих процессуальных навыков, необходимых для постановки вопросов. К таким лицам относятся и присяжные заседатели, которые привлекаются для участия в судебном разбирательстве с целью вынесения вердикта (п. 30 ст. 5 УПК).

Неправильно сформулированный или не относящийся к предъявленному обвинению вопрос поставит под сомнение беспристрастность и способность присяжного заседателя выполнять свои функции. По этой причине законодатель предусмотрел особый порядок постановки вопросов присяжными заседателями: они задают вопросы через председательствующего. Для этого вопросы сначала излага-

ются в письменном виде и подаются председательствующему судье через старшину. Окончательная формулировка вопросов возлагается на председательствующего, который может их отвести, если они не относятся к предъявленному обвинению (ч. 4 ст. 335 УПК).

Однако текст ст. 335 УПК не регламентирует действия председательствующего в ситуации, в которой присяжным заседателем будет поставлен вопрос, относящийся к предъявленному обвинению, но по своему характеру являющийся наводящим. Должен ли председательствующий отвести такой вопрос, или он имеет право изменить его редакцию и после согласия присяжного заседателя с проведенными изменениями задать вопрос допрашиваемому (подсудимому)? Полагаем, что подобное дополнение текста ч. 4 ст. 335 УПК, расширяющее полномочия председательствующего, будет способствовать реализации прав присяжных заседателей в исследовании всех обстоятельств уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК). Существующий порядок постановки вопросов присяжными заседателями допрашиваемым лицам целесообразно распространить на порядок постановки вопросов, которые задаются другими лицами, не обладающими специальной подготовкой и навыками (законный представитель, педагог, психолог, подсудимый и т. д.).

Этот порядок будет способствовать минимизации случаев постановки наводящих вопросов и приведет к снижению их негативного влияния на процесс получения показаний.

2.1.2. Описание в протоколе следственного действия и судебного заседания факта постановки наводящего вопроса

Порядок описания факта постановки любого, в том числе наводящего, вопроса регламентирован в отдельных статьях УПК (ч. 4 ст. 166, ч. 2 ст. 190, п. 11 ч. 2 ст. 259). Так, ст. 166 УПК устанавливает общий порядок описания в протоколах следственных действий отдельных процессуальных действий, а также выявленных при их производстве существенных для данного уголовного дела обстоятельств. Под процессуальным действием в контексте статьи следует понимать не только следственные и судебные действия, но и иные действия, регламентированные в нормах УПК (п. 32 ст. 5), например предъявление доказательств, разъяснение прав и обязанностей участникам, предупреждение их об ответственности и т. п.

При получении показаний наиболее распространенным действием (приемом) является *вопрос*, право на постановку которого имеют участники следственных и судебных действий. Подробная детализация порядка фиксации вопросов и полученных ответов в процессе допроса регламентируется в ст. 190 УПК. Законодатель предусмотрел обязательность записи в протоколе допроса всех заданных вопросов и полученных ответов в той последовательности, которая имела место. Кроме того, в протоколе должны записываться вопросы, которые были отклонены или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, с указанием мотивов отвода или отказа.

Установленный порядок фиксации в протоколе допроса заданных вопросов и полученных ответов создает основание для выделения среди поставленных вопросов *наводящих* вопросов и для оценки их влияния на полученные показания. Еще один важный аспект существующего порядка записи в протоколе допроса

фактов постановки вопросов и полученных ответов заключается в том, что при отсутствии нормативно-правового понятия «наводящий вопрос» для принятия решения о характере поставленного вопроса требуется анализ всех заданных до момента постановки спорного вопроса ранее заданных вопросов и полученных ответов (Центров 2003, 45). Аналогичный подход встречается и в судебной практике.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (ВС РФ) по результатам рассмотрения апелляционной жалобы адвоката на приговор в отношении осужденного П. пришла к выводу о том, что в процессе допроса обвиняемого и при проверке показаний на месте следователь не задавал наводящих вопросов. В тексте определения коллегии дословно перечислены все занесенные в протоколы следственных действий и зафиксированные в видеозаписи проверки показаний на месте вопросы и полученные ответы, на основе анализа которых было принято обоснованное решение².

Таким образом, наличие в протоколах следственных действий записи всех поставленных вопросов и полученных ответов служит основанием для принятия судебных решений, касающихся допустимости заданных вопросов. Точное выполнение требований ч. 2 ст. 190 УПК дает возможность подачи обоснованных представлений и жалоб со стороны обвинения и защиты при обжаловании судебных решений нижестоящих судов.

С формально-правовой точки зрения положение ст. 190 УПК относится только к составлению протокола допроса. Требования, предъявляемые к составлению протоколов других следственных действий, при проведении которых задаются вопросы, они содержатся только в ст. 166 и 167 УПК. Отдельные указания по составлению протоколов очной ставки (ч. 5 ст. 193 УПК) и предъявления для опознания (ч. 9 ст. 193 УПК) имеются в текстах упомянутых статей и не требуют записи заданных вопросов и полученных ответов. Для проверки показаний на месте вообще отсутствуют какие-либо нормативные требования, кроме содержащихся в ст. 166 и 167 УПК.

Применение по аналогии положений ст. 190 УПК, регулирующей порядок записей в протоколе допроса заданных вопросов и полученных ответов, и замена их другими содержащимися в гл. 26 УПК следственными действиями необоснованны и противоречат логике построения кодекса. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо распространить положения ст. 190 УПК на все остальные следственные действия, входящие в гл. 26 УПК. Для этого следует изменить название ст. 190 УПК «Протокол допроса» и сформулировать его так: «Протокол допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте», включив в содержание статьи положения, закрепленные в ст. 192 и 193 УПК, регулирующие особенности при составлении протоколов соответственно очной ставки и предъявления для опознания. Распространение положений ст. 190 УПК на все следственные действия, упомянутые в гл. 26 УПК, позволит восполнить пробелы с регулированием особенностей составления протоколов следственных действий, предусматривающих получение показаний с помощью постановки вопросов.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 20.10.2016 № 18-АПУ16-25.

Как известно, ход и результаты судебных действий отражаются в протоколе судебного заседания. Положения ст. 259 УПК, регулирующие порядок составления протокола судебного заседания в той его части, которая относится к записи вопросов и ответов, по сравнению с требованиями, содержащимися в ст. 190 УПК, носят упрощенный характер. В протокол судебного заседания записываются вопросы, заданные допрашиваемому, и их ответы (п. 11 ч. 3 ст. 259 УПК).

Закон не требует записи всех вопросов и тем более всех полученных ответов, а также мотивов, по которым были отклонены наводящие вопросы в процессе допроса подсудимого (ч. 2 ст. 275 УПК) и при предъявлении для опознания в суде (ст. 289 УПК), как это предусмотрено ст. 190 УПК.

Отсутствие в ст. 259 УПК требования о записи в протоколе судебного заседания всех поставленных вопросов и указания на необходимость отражения мотивов отклонения наводящих вопросов и вопросов, не имеющих отношения к уголовному делу, в определенной мере можно объяснить применением средств аудиозаписи (аудиопротоколирования) судебного заседания (ч. 1 ст. 259 УПК). Благодаря аудиозаписи в полном объеме отражаются все действия участников судебного заседания, однако закон не допускает применение средств аудиозаписи в закрытом судебном заседании (ч. 1 ст. 259 УПК). Кроме того, нельзя исключить технические причины, по которым получение качественных аудиозаписей невозможно. В этих случаях единственным средством, позволяющим делать обоснованные заключения о характере поставленных в процессе судебного заседания вопросах, остается протокол судебного заседания. Таким образом, в протоколе судебного заседания должны содержаться записи всех поставленных вопросов и полученных ответов, а также отражаться мотивы, по которым были отклонены наводящие вопросы и вопросы, не относящиеся к уголовному делу.

В связи с этим, на наш взгляд, закрепленный в ст. 259 УПК порядок фиксации поставленных вопросов нужно дополнить, указав на необходимость записи всех поставленных вопросов и полученных ответов, а также мотивов, по которым некоторые из них были отклонены, используя по аналогии порядок, закрепленный в ст. 190 УПК.

2.2. Оценка допустимости показаний, полученных под воздействием наводящего вопроса

В УПК РФ установлены правила оценки доказательств, к числу которых относятся показания лиц в форме ответов на заданные вопросы, полученные в процессе производства следственных и судебных действий (ст. 88 УПК).

В процессе оценки полученных показаний, наряду решением об относимости и достоверности, принимается решение об их допустимости. Показания признаются допустимыми только в том случае, если они получены с соблюдением требований закона (ст. 75 УПК), т.е. при выполнении процессуальных правил и соблюдении порядка проведения следственного и судебного действия. Аналогично решается вопрос о допустимости протоколов следственных и судебных действий, в которых содержатся показания. Протоколы должны быть изготовлены с соблюдением требований, установленных законом (ст. 83 УПК).

Общие начала оценки допустимости показаний, полученных в ответах на заданные наводящие вопросы, не исключают дополнительных разъяснений или ком-

ментариев, которые учитывают общие начала и различные следственные и судебные ситуации. Как правило, такие разъяснения содержатся в судебных решениях, справочной и научной литературе. Так, в научно-практической литературе можно встретить утверждение, согласно которому недопустимыми доказательствами следует считать не только ответы на наводящие вопросы, но и полный протокол допроса обвиняемого, если в процессе допроса были поставлены и отклонены наводящие вопросы (Рыжаков 2007, 180). По нашему мнению, принятие решения о признании показаний и протоколов недопустимыми доказательствами должно относиться не только к допросу обвиняемого, но и ко всем следственным действиям, предусматривающим получение показаний; кроме того, принятие таких однозначных и простых решений противоречит специфике влияния наводящих вопросов на полученные показания и их дальнейшую оценку. Однозначный вывод о недопустимости полученных показаний и протоколов следственных действий только на основании зафиксированного факта постановки наводящих вопросов, как это предполагает А. П. Рыжаков, на наш взгляд, был бы неправильным решением. При принятии решения необходимо различать недопустимость доказательств, полученных в виде ответов на поставленные наводящие вопросы, занесенные в протоколы следственных действий, и недопустимость самих протоколов. Это различные самостоятельные виды доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК), получение которых предполагает различные правила и порядок.

Рассмотрим сначала допустимость показаний, которые занесены в протоколы следственных действий. Как отмечалось выше, наводящий вопрос имеет прямое и косвенное (отложенное) воздействие на получаемые показания. Воздействие может оказывать как отклоненный, так и не отклоненный (пропущенный) по разным причинам наводящий вопрос.

Прямое воздействие происходит в ситуации, когда наводящий вопрос не был отклонен и лицо дало на него ответ, который наряду с заданным вопросом занесен в протокол следственного действия и судебного заседания. В данной ситуации может быть только одно правильное решение: ответ признается недопустимым доказательством независимо от того, воспользовалось ли лицо, которому был адресован вопрос, подсказкой ответа. Решающее значение для принятия решения имеет нарушение существующего запрета на постановку наводящего вопроса. Отклоненный наводящий вопрос не исключает его негативного воздействия на полученные показания, так как подсказка ответа может быть использована в дальнейшем при ответе на другие, в том числе правомерные, вопросы. В связи с этим при оценке ответов, полученных после заданного наводящего вопроса, на наш взгляд, следует учитывать наличие или отсутствие в полученных ответах на заданные правомерные вопросы таких данных, которые были переданы в заданном ранее наводящем вопросе. Наличие таких данных дает основание признать полученные ответы недопустимыми доказательствами. В приведенной ситуации можно говорить об отложенном влиянии наводящего вопроса, которое проявилось в ответах на последующие поставленные вопросы. Отсутствие в ответах на заданные правомерные (последующие за наводящим вопросом) вопросы данных, содержащихся в ранее поставленном наводящем вопросе, является основанием считать их допустимыми доказательствами.

Таким образом, при оценке показаний, полученных на заданные правомерные вопросы, необходимо учитывать следующее: 1) наличие ранее заданного на-

водящего вопроса; 2) место наводящего вопроса среди всех остальных заданных вопросов; 3) наличие или отсутствие в полученных ответах фактических данных, которые содержались в наводящем вопросе и составляли содержание подсказки.

При принятии решения о недопустимости протоколов следственных и судебных действий, в ходе которых задавались наводящие вопросы, следует обращать внимание на два обстоятельства.

Первое обстоятельство требует учета степени влияния, которое оказал наводящий вопрос на конечный результат следственного или судебного действия. Если фактические данные в заданном наводящем вопросе ставят под сомнение достоверность результатов следственного действия, то, наряду с признанием недопустимости полученных показаний (ответов) или результатов демонстрирующих действий (предъявление для опознания, проверка показаний на месте), необходимо решать вопрос о признании недопустимым доказательством и протокола следственного действия. Так, подсказка опознающему лицу, указывающая на конкретного человека или предмет, предъявляемый для опознания, занесенная в протокол, дает основание признать недопустимым не только результаты следственного действия, но и весь его протокол. Аналогичная подсказка во время проведения судебного действия (предъявление для опознания) может ставить под сомнение только ту часть протокола судебного заседания, которая касается описания результатов проведенного судебного действия. Ставить вопрос о недопустимости всего протокола судебного заседания не только нелогично, но и незаконно.

Второе обстоятельство связано с выполнением правил и порядка изготовления процессуальных документов. Как отмечалось выше, порядок описания заданных вопросов в протоколах следственных действий и судебного заседания создает условия для выявления фактов постановки наводящих вопросов и полученных на эти вопросы ответов. Нарушение установленного порядка устраняет такую возможность. Отсутствие в протоколах записей всех поставленных вопросов, неполная их запись или запись с изменением первоначального смысла являются уголовно-процессуальными нарушениями, дающими основание считать протоколы следственных действий недопустимыми доказательствами (ст. 83 УПК). Аналогичный подход к оценке протоколов следственных действий встречается в юридической литературе (Баянов и др. 2022). Эти недостатки протоколов при оценке результатов следственных и судебных действий в определенной мере могут быть восполнены (но не устранены) посредством аудио- и видеозаписей. Однако их используют только для проверки соблюдения процессуальных правил и порядка производства следственных, судебных действий, а также при оценке полученных показаний, но не для устранения ошибок, допущенных в процессе изготовления протоколов. Порядок устранения ошибок при изготовлении протоколов следственных действий и судебного заседания установлен ст. 166, 190 и 260 УПК.

Однако исправление недостатков в протоколах не может устранять ошибки, допущенные в процессе проведения следственных и судебных действий. Эти ошибки могут быть устранены путем проведения дополнительного, повторного, аналогичного или другого следственного действия. В этом направлении законодатель установил ограничения: так, не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам (ч. 3 ст. 193 УПК).

Таким образом, отсутствие в протоколах следственных действий и судебных заседаний записей поставленных вопросов и полученных ответов не дает возможность выявить факты постановки наводящих вопросов и представляет собой основание для признания протоколов недопустимыми доказательствами, поскольку указанные нарушения при составлении протоколов являются существенными и препятствуют оценке полученных показаний и совершенных действий.

2.3. Последствия, затрагивающие права, законные интересы участников следственных и судебных действий

Последствия постановки наводящих вопросов могут не только касаться оценки полученных показаний, но и затрагивать права и законные интересы участников следственных действий и судебных заседаний, допускающих нарушение установленного запрета. Отметим, что УПК РФ не содержит прямых последствий для тех субъектов, которые задают наводящие вопросы. Между тем содержание текстов отдельных статей УПК позволяет сделать вывод о допустимости наступления отдельных последствий.

2.3.1. Ограничение (отзыв) разрешения

Правом на постановку вопросов обладают все участники следственных и судебных действий, направленных на получение показаний. Реализация права на постановку вопросов имеет свои особенности. Она зависит от стадии уголовного судопроизводства и процессуального статуса участника. В стадии досудебного производства все участники следственных действий (кроме переводчика) могут задавать вопросы только с разрешения дознавателя или следователя. В судебном заседании или при проведении судебных действий для участников, представляющих стороны обвинения и защиты, согласия со стороны председательствующего на постановку вопросов не требуется. Они задают вопросы согласно установленному порядку проведения судебного заседания (ч. 1 ст. 275, ст. 277, 278, 280 УПК). Согласия на постановку вопросов со стороны председательствующего в судебном заседании не требуется также для подсудимого, которому во время допроса другого подсудимого, несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля после возвращения в зал судебного заседания и оглашения показаний указанных лиц «предоставляется возможность задавать им вопросы» (ч. 4 ст. 275, ч. 6 ст. 280 УПК). Аналогичное право имеет несовершеннолетний подсудимый (ч. 4 ст. 429 УПК). В текстах упомянутых статей нет указания на необходимость получения для подсудимых разрешения председательствующего на постановку вопросов. На председательствующего возлагается обязанность обеспечить возможность постановки вопросов, если у подсудимых есть такая необходимость. Следовательно, подсудимый имеет право задавать вопросы без получения разрешения согласно установленному порядку проведения судебного заседания.

Особый порядок постановки вопросов установлен для присяжных заседателей: они могут задавать вопросы не лично, а через председательствующего (п. 1 ч. 1 ст. 333, ч. 4 ст. 335 УПК).

Такой порядок представляется наиболее целесообразным для исключения постановки вопросов подсудимому, которые требуют отклонения на законных ос-

нованиях. Очевидно, что председательствующий не будет оглашать подобные вопросы. В случаях, когда присяжный заседатель настаивает на постановке вопросов, которые должны быть отведены, председательствующий вправе предложить изменить их редакцию и при необходимости содержание для устранения обнаруженных ошибок. При отсутствии согласия присяжного заседателя вопросы должны быть отведены (ч. 4 ст. 335 УПК).

Разрешение дознавателя, следователя и судьи на постановку вопросов является не обязанностью, а правом уполномоченных субъектов. Разрешение не может быть постоянно действующим на весь период проведения следственного или судебного действия. Оно должно действовать только тогда, когда участники не злоупотребляют правом, а задают правомерные вопросы. В ситуации, когда участники задают запрещенные законом наводящие вопросы, разрешение должно быть ограничено или отозвано (аннулировано). Дознаватель, следователь, судья должны не только прекращать противоправные действия участников, но и предотвращать их в дальнейшем. Разрешением на постановку вопросов без их ограничения должны пользоваться только те участники следственных и судебных действий, которые не допускают нарушений установленных законом правил.

Ограничение права на постановку вопросов, предполагающее аннулирование разрешения со стороны уполномоченного лица, не должно касаться участников уголовно-процессуальных отношений, имеющих процессуальный интерес, и их представителей. Любое ограничение на постановку вопросов для стороны защиты следует рассматривать как ограничение права на защиту для подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Поэтому эти ограничения являются неприемлемыми и не соответствующими основным принципам уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК). Аналогично должен решаться вопрос в отношении представителей со стороны обвинения. Ограничение их права в судебном заседании следует рассматривать как нарушение равноправия сторон (ч. 4 ст. 15 УПК). В связи с этим последствия для представителей сторон обвинения и защиты, выполняющих свои профессиональные обязанности (прокурор, адвокат) в случаях нарушения запрета на постановку наводящих вопросов, должны затрагивать только их служебные отношения и не приводить к ограничению прав и законных интересов других участников уголовного судопроизводства.

Что касается других участников следственных и судебных действий, то основанием для ограничения их права путем аннулирования разрешения на постановку вопросов, на наш взгляд, должно быть повторное отклонение поставленного наводящего вопроса при наличии предупреждения со стороны дознавателя, следователя и судьи о недопустимости постановки такого вопроса.

Повторное отклонение наводящего вопроса после предупреждения может свидетельствовать о наличии умысла на подсказку желаемого ответа или об отсутствии необходимого навыка постановки вопросов. Обе эти причины требуют принятия соответствующих мер, в том числе в области ограничения прав нарушителей требований закона. Ограничение прав участников следственных и судебных действий, нарушающих запрет на постановку наводящих вопросов, необходимо рассматривать в виде правового решения, не только основанного на установленных фактах постановки вопросов, но и имеющего нормативное обоснование.

В связи с этим мы предлагаем дополнить текст ст. 164 и 258 УПК следующим положением: «После предупреждения при повторном наводящем вопросе право задавать вопросы может быть приостановлено».

2.3.2. Отстранение дознавателя, следователя и вынесение частных определений

К числу участников уголовного судопроизводства, наделенных правом задавать вопросы в процессе производства следственных и судебных действий, относятся лица, уполномоченные осуществлять дознание (дознаватель), предварительное следствие (следователь) и правосудие (судья), а также поддерживать обвинение (прокурор) и осуществлять функцию защиты в судебном заседании при разрешении уголовного дела (защитник). Перечисленные участники выполняют в уголовном судопроизводстве соответствующие функции. Право на постановку вопросов для дознавателя, следователя и судьи совмещено с правом принятия решения относительно правомерности вопросов, заданных другими участниками судопроизводства. Наличие права у органов и должностных лиц, ведущих процесс, по отведению (отклонению) вопросов, заданных участниками следственных и судебных действий, должно соотноситься с их обязанностью исключить собственную постановку наводящего вопроса, а в случаях его постановки, с учетом заявленного ходатайства сторон, принимать решение, аналогичное решению по наводящим вопросам, заданным другими участниками. Отведение дознавателем, следователем, отклонение судьей заданного по ошибке наводящего вопроса свидетельствует об объективности и беспристрастности должностных лиц к итогам следственных и судебных действий и не умаляет их авторитета. Признание собственных ошибок и их исправление составляют основу профессиональной этики. Что касается прокурора, поддерживающего обвинение в суде, и адвоката-защитника, то они наделены правом заявлять ходатайства об отведении председательствующим вопросам, которые, по их мнению, относятся к наводящим (ст. 244 УПК) и заданы подсудимому в процессе допроса или предъявления для опознания в суде.

Как показывает анализ следственной и судебной практики, наличие запрета на наводящие вопросы не исключает их постановку со стороны должностных лиц и представителей сторон, осуществляющих своих профессиональные обязанности. О фактах постановки наводящих вопросов свидетельствуют научные исследования, правоприменительные акты, а также ходатайства и жалобы, поданные представителями защиты в надзорные и судебные инстанции. Так, по данным И. А. Зайцевой, проводившей анализ протоколов допроса, содержащихся в материалах уголовных дел, рассмотренных судьями первой инстанции в Саратовской области и Ставропольском крае, в 4,1 % от всех изученных протоколов допроса подозреваемых и обвиняемых (9 протоколов из 219 изученных) содержались записи, указывающие на некорректное поведение защитника (адвоката), выразившееся в постановке наводящих вопросов (Зайцева 2006, 212–214).

Нам не встречались результаты похожих исследований, где имелось бы указание на описанное выше поведение следователя (дознавателя), прокурора и тем более суда (судьи). О фактах постановки наводящих вопросов указанными должностными лицами можно судить по опубликованной судебной практике рассмо-

тения ходатайств или жалоб со стороны защиты, а также представлений прокурора, в которых встречаются примеры решений, констатирующих факты постановления наводящих вопросов со стороны дознавателей и следователей.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ оставила в силе оправдательный приговор Приморского краевого суда в отношении подсудимого Ф. По мнению коллегии, допрос несовершеннолетней потерпевшей В. был проведен следователем с применением наводящих вопросов, которые привели к получению ложных показаний. Эти показания в судебном заседании были признаны недопустимыми доказательствами и не могли служить основанием для постановления обвинительного приговора³.

Постановку наводящих вопросов лицами, выполняющими функции обвинения и защиты в суде, следует рассматривать как уголовно-процессуальные правонарушения, которые должны приводить к определенным последствиям, в том числе затрагивающим персональные интересы лиц, допустивших подобные нарушения. Оставлять без должного реагирования эти правонарушения, которые могут повлечь за собой наступление негативных процессуальных последствий в виде дачи ложных показаний (самооговор, оговор других лиц и др.), было бы ошибочным решением, тем более что эти субъекты задают наводящие вопросы в основном умышленно для достижения не правовых, а сугубо личных эгоистических целей.

В УПК РФ содержатся положения, устанавливающие применение правовых мер воздействия в отношении должностных лиц за нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, к которым, безусловно, следует отнести и постановку наводящего вопроса. Прокурор, осуществляющий надзор за дознанием, уполномочен отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК (п. 10 ч. 2 ст. 37), а руководитель следственного органа наделен правом отстранять следователя за аналогичные нарушения (п. 6 ч. 1 ст. 39). Таким образом, отстранение от дальнейшего производства расследования является видом уголовно-процессуальных последствий для этих должностных лиц при нарушении запрета на постановку наводящих вопросов. Что касается аналогичного нарушения, допускаемого адвокатом, то в УПК отсутствуют не только основания, но и правовые последствия подобных нарушений. Выполняя профессиональные функции защиты, адвокат освобожден от персональных уголовно-процессуальных последствий за нарушения, связанные с постановкой наводящих вопросов. В досудебном производстве дознаватель, следователь имеют право только отклонять наводящие вопросы, заданные адвокатом при проведении следственных действий, и разъяснять недопустимость таких действий.

Ограничение права на постановку вопросов, принятие иных мер процессуального воздействия со стороны дознавателя, следователя в отношении адвоката, допускающего постановку наводящих вопросов, на что уже указывалось выше, следует рассматривать как ограничение права на защиту для подозреваемого, обвиняемого в условиях досудебного производства (ст. 16 УПК). Такое ограничение не

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 04.09.2014 № 56-АПУ14-34.

соответствует назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК). Не ставя под сомнение незаконный характер наводящего вопроса при проведении следственных действий в досудебном производстве, мы полагаем, что необходимо иметь в виду отсутствие в законе нормативно-правового понятия «наводящий вопрос». Поэтому при принятии решения о характере вопроса, поставленного адвокатом, дознавателю, следователю приходится опираться на оценочные признаки заданного наводящего вопроса, которые могут не совпадать с мнением адвоката. Отсутствие при этом независимого и незаинтересованного субъекта (суда) в ходе разрешения спора между дознавателем, следователем, наделенными властными полномочиями для определения характера заданного вопроса, и адвокатом делает ситуацию более неопределенной и может привести к ошибкам как с одной, так и с другой стороны. Необходимо также иметь в виду, что обращение дознавателя, следователя в адвокатскую палату для принятия мер в отношении адвоката, допустившего постановку наводящих вопросов, не является основанием возбуждения дисциплинарного производства (ч. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (КПЭА)).

Если эти нарушения со стороны должностных лиц и защитника не были установлены в досудебном производстве и не получили должной правовой реакции, то в отношении нарушителей могут быть приняты решения в судебном производстве. Статья 29 УПК, определяющая полномочия суда, в случаях нарушения прав и свобод граждан, а также других нарушений закона, допущенных при производстве дознания и предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, дает право суду вынести частное определение или постановление, в которых обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данное обстоятельство.

Такие определения или постановления являются поводом для принятия мер дисциплинарного воздействия в отношении должностных лиц (дознаватель, следователь, прокурор, судья), а также адвоката, допустивших нарушение уголовно-процессуального закона, которые привели к неправомерным решениям в результате постановки наводящих вопросов или к невыполнению обязанностей по их отведению или отклонению в процессе проведения следственных или судебных действий. Незаконный приговор суда, причиной которого послужили ложные показания (самооговор, оговор других лиц и т.п.) под воздействием заданных и неотведенных (неотклоненных) наводящих вопросов, следует рассматривать как нарушение прав и свобод человека и гражданина. Подобные нарушения не должны оставаться без правовых последствий, в том числе персональных, в отношении участников уголовно-процессуальных отношений, допустивших упомянутые нарушения закона.

Отдельно обратим внимание на особенности наступления последствий в отношении адвоката, допустившего постановку наводящих вопросов в судебном заседании. Частное определение суда в адрес адвокатской палаты является поводом для возбуждения дисциплинарного производства (п. 4 ч. 1 ст. 20 КПЭА).

В качестве основания возбуждения производства должен быть установлен факт нарушения нормы уголовно-процессуального закона (ст. 12 КПЭА), а также причинения существенного вреда доверителю или адвокатской палате (ч. 2 ст. 18 КПЭА). Последнее ограничение практически нивелирует ответственность адвоката за нарушение закона, устанавливающего запрет на постановку наводящих вопросов как

в досудебном, так и в судебном производстве. Если заданные адвокатом наводящие вопросы (отклоненные или неотклоненные) привели к улучшению положения подзащитного, то адвокатское сообщество, как правило, принимает во внимание достигнутый результат, а не выбранную тактику защиты, основанную на использовании пробелов в законодательстве (отсутствия нормативного определения наводящего вопроса).

3. Выводы

Постановка наводящего вопроса в тех случаях, когда она запрещена законом, является уголовно-процессуальным нарушением, влекущим за собой наступление последствий, предусмотренных УПК.

Постановка наводящего вопроса в процессе проведения следственных и судебных действий, связанных с получением показаний, может приводить к ложным показаниям (допрос) или к совершению действий, противоречащих первоначальной установке лица (предъявление для опознания, проверка показаний на месте). Негативные последствия наступают не только от неотведенного (отклоненного) наводящего вопроса, но и от вопроса, который был вовремя отведен (отклонен). Вторая ситуация связана с отложенным действием наводящего вопроса. Подсказка желаемого ответа, содержащаяся в отведенном (отклоненном) вопросе, может быть использована в ответах на последующие вопросы, в том числе правомерные. В связи с этим основной задачей при производстве следственных и судебных действий следует рассматривать исключение возможности постановки наводящего вопроса, а не только его отведения (отклонения). Для решения данной задачи необходимо не только использовать положения, содержащиеся в текстах отдельных статей УПК, но и вносить предложения по их совершенствованию с учетом практического опыта.

Наступление последствий в случаях постановки наводящего вопроса в уголовном судопроизводстве зависит от однозначных решений при оценке характера поставленного вопроса. В такой ситуации должны использоваться аргументы, имеющие не только научный или руководящий характер. Существующие в практической деятельности противоположные суждения о характере вопроса связаны прежде всего с отсутствием в УПК нормативно-правового закрепления понятия «наводящий вопрос». Однако это тема совершенно другого исследования, и, несмотря на объективные трудности, она должна оставаться в поле внимания ученых и практиков.

Библиография

- Александров, А. С., С. П. Гришин, 2006. «О некоторых процессуальных правилах перекрестного допроса в уголовном суде». *Уголовное судопроизводство* 4: 25–31.
- Баянов, А. И. 2021. «Наводящий вопрос в истории дореволюционного, советского и постсоветского периода уголовно-процессуального законодательства России». *Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: мат-лы конференций 2020–2021 г.: сб. ст.*, отв. ред. Н. Г. Стойко, 35–43. М.: РУСАЙНС.
- Баянов, А. И., А. Д. Назаров, Н. А. Сидорова, Н. Г. Стойко. 2022. «Следственные ошибки при составлении протокола допроса и их использование стороной защиты». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 927–946.

- Божьев, В. П. 1975. *Уголовно-процессуальные правоотношения*. М.: Юрид. лит.
- Воскобитова, Л. А., А. Б. Гутников, В. В. Захаров, М. Ливи, Л. А. Лысенко, Л. П. Михайлова, К. Н. Сергеев, С. В. Травин, Д. Б. Шабельников, Е. С. Шугрина. 2001. *Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения*. М.: Дело.
- Евгеньева, А. П. 1977. *Словарь синонимов: справочное пособие*. Л.: Наука.
- Зайцева, И. А. 2006. *Процессуальные и тактические особенности допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника*. М.: Юрлитинформ.
- Рубинштейн, Е. А. 2011. «Предисловие и комментарии российского редактора». Веллман, Ф. Л. *Искусство перекрестного допроса*, 4–31. М.: Американская ассоциация юристов.
- Рыжаков, А. П. 2007. *Предъявление обвинения и допрос обвиняемого: научно-практическое руководство*. М.: Экзамен.
- Центров, Е. Е. 2003. «Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе». *Российская юстиция* 5: 43–45.

Статья поступила в редакцию 27 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 20 января 2025 г.

Контактная информация:

Стойко Николай Геннадьевич — д-р юрид. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-4523-7816>,
n.stoiko@spbu.ru
 Баянов Александр Иванович — канд. юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-0297-213X>,
bayanov1603@yandex.ru
 Назаров Александр Дмитриевич — д-р юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-2585921X>,
anazarov61@mail.ru
 Шагинян Армен Степанович — канд. юрид. наук; <https://orcid.org/009-007-0806-3443>,
ashaginyan@sfu-kras.ru
 Смирнова Ирина Георгиевна — д-р юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-0264-8228>,
smirnova-ig@mail.ru

Procedural consequences of leading questions in criminal proceedings

N. G. Stoyko¹, A. I. Baianov², A. D. Nazarov¹,
A. S. Shaginian², I. G. Smirnova³

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Siberian Federal University,
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

³ Kutafin Moscow State Law University,
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Stoyko, N. G., A. I. Baianov, A. D. Nazarov, A. S. Shaginian, I. G. Smirnova. 2025. “Procedural consequences of leading questions in criminal proceedings.” *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 323–340. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.203> (In Russian)

The attention is focused on the differentiated approach of the legislator to determining the admissibility and prohibition of raising a leading question during investigative and judicial actions. The interrelation between the lack of the legal definition for the term “leading question” and its evaluative nature in law enforcement practice is shown. The leading question is considered to be an unacceptable means of inducing a person to give false testimony, and as an acceptable tool for cross-examining a victim and a witness during a court investigation, ensuring equality of parties in criminal procedural evidence. Raising a leading question in cases where it is directly prohibited by law is considered by the authors to be a criminal procedural offense entailing corresponding procedural and legal consequences. Six types of criminal procedural consequences

for violating the prohibition on asking leading questions, which are provided for by the Criminal Procedure Code, are identified in the article. They relate to the procedure for conducting investigative and court actions; the procedural registration of their progress and results; assessing the admissibility of evidence obtained in response to asked leading questions, and the personal responsibility of subjects of criminal proceedings who violated the law. For each of the consequences, detailed explanations aimed at clarifying and optimizing are given, including introducing changes and additions, individual provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Art. 164, 190, 258, 259, 335, etc.), regulating the procedure for setting questions during investigative and judicial actions, which should lead to a reduction in the negative impact of leading questions (if there is a ban on their asking).

Keywords: leading question, challenge of leading question, interrogation, testimony, criminal procedural violation, criminal procedural evidence, admissibility of evidence, criminal procedural liability, procedural consequences, protocols of investigative actions.

References

- Alexandrov, A. S., S. P. Grishin. 2006. "On some procedural rules of cross-examination in criminal court". *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* 4: 25–31. (In Russian)
- Baianov, A. I. 2021. "A guiding question in the history of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods of criminal procedural legislation in Russia". *Nauchnaia shkola ugolovnogo protsesssa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy konferentsii 2020–2021 g.: sbornik statei*. Ed. by N. G. Stoiko, 35–43. Moscow, RUSAINS Publ. (In Russian)
- Baianov, A. I., A. D. Nazarov, N. A. Sidorova, N. G. Stoiko. 2022. "Investigative errors in drawing up the interrogation protocol and their use by the defense". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 927–946. (In Russian)
- Bozhyev, V. P. 1975. *Criminal procedural legal relations*. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ. (In Russian)
- Evgen'eva, A. P. 1977. *Dictionary of synonyms: A reference guide*. Leningrad, Nauka Publ. (In Russian)
- Rubinshtein, E. A. 2011. "Preface and comments by the Russian editor". Wellman, F. L. *Iskusstvo perekrestnogo doprosa*, 4–31. Moscow, Amerikanskaia assotsiatsiia iuristov Publ. (In Russian)
- Ryzhakov, A. P. 2007. *Bringing charges and interrogating the accused: A scientific and practical guide*. Moscow, Ekzamen Publ. (In Russian)
- Tsentrov, E. E. 2003. "Leading question and limits of using information during interrogation". *Rossiiskaia iustitsiia* 5: 43–45. (In Russian)
- Voskobitova, L. A., A. B. Gutnikov, V. V. Zakharov, M. Livi, L. A. Lysenko, L. P. Mikhailova, K. N. Sergeev, S. V. Travin, D. B. Shabelnikov, E. S. Shugrina. 2001. *Professional skills of a lawyer: Practical training experience*. Moscow, Delo Publ. (In Russian)
- Zaitseva, I. A. 2006. *Procedural and tactical features of the interrogation of a suspect and accused, conducted with the participation of a defense lawyer*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)

Received: March 27, 2024

Accepted: January 20, 2025

Authors' information:

Nikolay G. Stoyko — Dr. Sci. in Law, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-4523-7816>, n.stoiko@spbu.ru

Alexander I. Baianov — PhD in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-0297-213X>, baianov1603@yandex.ru

Alexander D. Nazarov — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-2585921X>, anazarov61@mail.ru

Armen S. Shaginyan — PhD in Law; <https://orcid.org/009-007-0806-3443>, ashaginyan@sfu-kras.ru

Irina G. Smirnova — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-0264-8228>, smirnova-ig@mail.ru